

Дмитрий Фурманов

Незабываемые дни

Дмитрий Фурманов

Незабываемые дни

«Public Domain»

1922

Фурманов Д. А.

Незабываемые дни / Д. А. Фурманов — «Public Domain», 1922

«...Мы знаем, что 25 октября совершится переворот – именно 25-го, – ни раньше, ни позже. Центральный бой будет в Питере и Москве – там решается почти все. Туда будет нужна наша помощь: мы должны им сказать, что сами готовы, что можем дать своих лучших солдат, что здесь, у себя, мы – победители! Когда один, другой, десятый, сотый город скажет, что и он победил, что и он готов к помощи, – только тогда победа. Деревня победит вослед... Мы это знаем и лихорадочно готовимся к роковым, решающим дням...»

© Фурманов Д. А., 1922

© Public Domain, 1922

Дмитрий Андреевич Фурманов

Незабываемые дни

(Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске)

Мы знаем, что 25 октября совершится переворот – именно 25-го, – ни раньше, ни позже. Центральный бой будет в Питере и Москве – там решается почти все.

Туда будет нужна наша помощь: мы должны им сказать, что сами готовы, что можем дать своих лучших солдат, что здесь, у себя, мы – победители!

Когда один, другой, десятый, сотый город скажет, что и он победил, что и он готов к помощи, – только тогда победа. Деревня победит вослед... Мы это знаем и лихорадочно готовимся к роковым, решающим дням.

Рабочим за октябрь выдано по пяти фунтов дрянной муки. Больше не дадут ничего, надежд на близкую получку нет, достать неоткуда, а покупать им не на что и негде. Положение грошовое.

Мы приходим на митинги, многотысячные митинги ткачей, которые собираются у себя по фабричным дворам.

Приходим, сами до тошноты голодные, говорить с ними о голоде.

– Рабочие! Дорогие товарищи!.. Видите сами – откуда мы добудем хлеба?.. Ближнюю неделю так и не ждите, не будет совсем... А там... там, может быть, будет: твердо не заверяем, а надежда есть... Вы за октябрь получили только пять фунтов – это тяжело; но что же делать, коли хлеба нет и не видно: все картофельную шелуху жуем...

– И картофельной-то нет, – простонет из гуши со скорбью ткачиха, и ей глухо отзовется старая, строгая мрачная соседка:

– Ах ты, господи, что же делать-то будешь...

– А вот што, – взвизгнет откуда-то женский крик, – вот што делать: у меня два дня не жрамши дети сидят!.. Ишь словарь какой нашелся (это уже к нам), на што мне слова твои, ты хлеба дай – хлеба, а то мне – тьфу на тебя... Вот што...

Это мать. Она не говорит, а, прыгая на месте, пронзительно и часто причитает, неистово машет руками. Грани терпения перейдены, ее уговаривать невозможно.

Молчаливо стоят угрюмые, суровые ткачи: они понимают голодную мать – не помешают ей в криках, в протестах, в угрозах отвести взволнованную душу. И мы замолчим.

Так одна от другой, заражаясь скорбью, вспомнив плачущих голодных ребят, еще больней, еще острее почувствовав вдруг всю муку лишений женщины-матери, измученные ткачихи взывают о помощи, бранят и проклинают – кого?.. Сами не знают кого, голосят, словно у дорогого гроба...

Спокойны, строги, серьезны стоят без движения ткачи...

Проходят минуты острого негодования, жалоб, безумных протестов и угроз... Море утихает, снова можно сказать; говоришь – и слушают тебя, и верят тебе, и знают, что помощь придет все равно откуда-то из совета, от этих вот, стоящих на бочках, людей, которых выбрали они же, ткачи, которым вверили свою жизнь и которых можно крепко побранить, излить на них всю невыносимую боль страданий от голода, от болезней, лишений на каждом шагу и каждый миг: свои, не обидятся.

Пробовали на эти митинги проникать мясники и в бурные минуты недовольства и угроз начинали сами кричать, только по-своему, по-мясницкому... Их узнавали, иной раз колотили, выбрасывали из рабочих дворов:

– Не лезь в чужое дело – здесь свои бранятся, сами и сталкиваются...

Над толпою проносятся слова:

– Мы опутаны изменой и предательством. Правительство бессильно: оно продолжает кровавую бойню, оно фабрики держит за фабрикантами, не дает крестьянам землю... Станем ли дальше терпеть? Сила в нас, мы все можем сделать!

– И сделаем... Но лишь тогда, когда власть возьмем в свои руки!

– Верно, верно, – вырывается из сотен и тысяч грудей. – Вся власть Советам! Долой министров-капиталистов! Долой социалистов-изменников!

Забыли про голод, забыли про тяжелую нужду, – вот они стоят, рабочие, готовые на борьбу, самоотверженные, сознательные, неумолимые в своем решении...

– Подходят дни – мчатся новые обжигающие слова, – последние дни, когда решается наша судьба. Пролетарская Россия готовится к бою... Готовы ли вы, ткачи?

– Мы всегда готовы...

– Так знайте же, что в близком будущем нам придется постоять на посту!

Окончено собрание – зашумела, заговорила, заволновалась толпа, рассыпалась-потекла в разные стороны...

Рабочие были готовы встретить врага.

На железной дороге – в депо, по мастерским, у водокачки – шныряли какие-то шептуны, задерживали рабочих, уверяли их, что надо скоро остановить движение, потому остановить, что в Питере и в Москве захватчики хотят отнять народную власть... Им не надо, говорили, давать помощи, их надо оторвать от всех, оставить одних, там и добьют их молодцы-юнкера и свободный народ...

Рабочие недоуменно смотрели на агитаторов, потом шли в железнодорожный комитет и докладывали об этом своим «вожакам». Хотели шептунов изловить, да пропали, так и не узнали, откуда взялись, кто подослал...

Иваново-вознесенские железнодорожники по всему обширному узлу приносили немалую пользу в Октябрьские дни. Они всегда были с рабоче-солдатским советом, имели в нем своих представителей, ничего не делали поперек его воли, обо всем договаривались вовремя.

Выбивались из сил, чинили паровозы и вагоны; справляли маршрутные поезда, гнали их за хлебом... В самую горячку восстания они перевозили в Москву наши рабочие отряды помогать москвичам... Железнодорожники на своих предоктябрьских собраниях говорили то же, что ткачи, они были также готовы к действию.

В городе стоял 199-й запасной полк. В нем 11-я, 12-я, 14-я роты, а обучена из них и готова одна лишь 11-я... Ну что же: и одна рота при случае делает немалое дело.

В казармах сыро, холодно, грязно...

– Солдаты! Товарищи! Вам, может быть, в близком будущем придется выступать... Подлое и гнилое правительство не хочет, да и не может отдать трудовому народу все, что принадлежит ему по праву...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.